

A tropical beach scene with a large palm frond in the foreground on the left, framing a view of turquoise water and a small island in the distance. A person is visible on the rocks in the lower right. The sky is blue with light clouds.

МИР + ОСТРОВ

АЛЕКСЕЙ СУХАРОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Сухаров

Мир + Остров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54700566

SelfPub; 2025

Аннотация

Мир и Остров – два жизнеутверждающих рассказа, написанных Алексеем во второй половине 2016 года. Будучи абсолютно разными по форме и содержанию, рассказы объединяются в единое целое благодаря общей теме. "Мир" и "Остров" застают своих героев в момент преодоления трудностей, указывают путь наверх после падения на дно и напоминают о том, что на смену ночи обязательно приходит рассвет. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Остров

4

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Алексей Сухаров

Мир + Остров

Остров

Солнце бьет в глаза так, что действует на нервы, а с подмышек стекает кислый пот, испаряясь чуть ли не с шипением и обжигая кожу. Ваня раздражен до скрипа в зубах, и не только поэтому: он – третий день в завязке.

Пешую прогулку нельзя отменять. Огибать остров, подставляя гудящую, как улей, голову под апокалипсический зной будет непросто, но и усидеть на месте больше не получится. Ваня отрывает запревшую задницу от бамбуковой скамеечки, отряхивает шорты от растительной пыли и, кряхтя и вздыхая, выходит из бунгало. Мокрый след на Ваниной пятой точке выглядит так, будто его минутой назад отпечатали с помощью бонго, щедро политым оливковым маслом.

Затекшие ноги еле волокут его размякшее, отяжелевшее тело по белому, рассыпчатому, теплomu, как внутренности тапира, песку. Ваня болезненно кашляет, заглядевшись на безоблачное тропическое небо, и тут же в его рот норовит залететь большая, жирная, блестящая муха. Он в панике отмахивается от нее: никак ядовитая, или разносит паразитов, или вовсе откладывает яйца не иначе как в желудке таких

неуклюжих пришельцев, как он.

Ванины ступни рассекают песчаную гладь всего минуту, а он уже смертельно устал. Бандана накалилась так, что на ней впору готовить омлет из яиц такахе. Заметив неподалеку растущую пальму, Ваня уныло бредет к ней и прислоняется спиной к ее шершавой, пупырчатой коре. Милый фиолетовый попугайчик в кроне пальмы что-то бормочет на языке Тонга и следом спускает на плечо изможденного путника вонючую кашицеобразную струйку. Вышедший на прогулку Ваня чувствует на сгибе рубашки неестественное тепло и с отвращением стряхивает птичкины отходы. Был бы Ваня биологом, он бы определил по непереваренным семечкам, что этот милый попугайчик ел на завтрак, но он не биолог, и ему не до этого. Ваня хватает лежащий под пальмой камушек и, прицелившись в фиолетовое оперение бормочущего засранца, с силой запускает снаряд в крону дерева. Выстрел оказался неточным, попугайчик испугался и взлетел, но сообразив, что тревога ложная, решил не оставаться в долгу и гаркнул на чистом британском английском:

– FOOL!

Обложенный словесным и материальным дерьмом, утирающий пот с лица Ваня приходит к выводу, что день начался не самым приятным образом, но иначе, кажется, и не бывает, по крайней мере, в тот период, пока недавняя завязка пуще всего дает о себе знать. Тень от пальмы на мгновение укрывает пришельца от неумолимо плывущего к зениту

солнца, и Ваня использует момент, чтобы впервые за утро взглянуть на дышащий приливом океан.

Волны вздымаются выше обычного, и, отражая солнечные лучи, как будто гипнотизируют. Ваня неотрывно следит за их угрожающей амплитудой и невольно представляет, что, окажись он сейчас на самой кромке берега, где вчера загорал, его бы унесло в пучину, к архетиутисам и кашалотам; зеленые черепахи таскали бы его тело на своих резных, как деревенские ставни, панцирях; рак-отшельник сделал бы из его черепной коробки удобное логово; гигантские цианеи проталкивали бы через его кишечник свои мерзкие, как корейская лапша, щупальца, соленая океанская вода раздула бы его пузо до размеров оградительного буя, а фугу, почуяв опасность от его синюшной промежности и вытаращив иголки, взорвала бы его живот, полный пены, и он пронесся бы по маршрутам Колумба, Магеллана и Кука как осьминог на реактивной тяге, как лопнувший воздушный шарик.

Ванины глаза, от представшей в его же мозге чудовищной галлюциногенной картины, наполняются слезами, и он даже было разлепил потрескавшиеся губы, чтобы, как ребенок, отчаянно, будто в последний раз, закричать, зареветь, побагроветь от раздирающих изнутри обиды и ужаса. Но русский Ваня вовремя приходит в себя; разве что во рту, от воображаемой солености океана, пересохло, а прожилки на его нёбе вздулись, как вздымается глина Атакамы от векового зноя. Бедняга понимает, что жажду нужно утолить, чем ско-

рее, тем лучше. Ваня отрывает рубашку от шершавой коры пальмы, подтирает след от завтрака попугайчика ее листом, и, одолеваемый засухой, быстрым шагом, несмотря на почти зыбучий песок под ногами, направляется к западной оконечности острова, называемой местными обитателями Мысом Торговли. Вдруг Ваня резко останавливается и со страхом опускает глаза на свой пупок: хорошо ли завязан воздушный шарик, в случае чего?

По-прежнему ошарашенный пережитой, возникшей в его сознании кошмарной фантазмагорией, Ваня пытается сообразить, что же вызвало у него такое помутнение рассудка. Голову через бандану напекло? Фата-Моргана как следствие обезвоживания? Или же, пока он спал, пожилой индеец с томагавком в зубах все-таки затолкал ему под язык шляпку псилоцибе? Ваня не может сказать наверняка; единственный неоспоримый факт – он третий день в завязке, а этот день, и это известно любому, кто хоть с чем-нибудь завязывал, самый трудный для избавляющегося от продолжительной интоксикации организма.

Мыс Торговли уже показался вдали, и Ваня, успокоившись, снова заглядывается в сторону океана, стараясь, тем не менее, не акцентировать внимание на кружащие голову приливные волны. Вдалеке, на стремящихся к берегу потоках, взлетают и падают молодые, подтянутые, загорелые, как с обложек журналов, парни-серфингисты: итальянцы и испанцы, греки и австралийцы. Ваня с завистью смотрит на них и ис-

полняемые ими трюки. Нет, он переживает не потому, что его волосы не насколько густые, щетина не настолько сексуальна, а грудь не настолько гладка и рельефна; не потому, что они являются счастливыми обладателями ровного, бархатного загара, а он только вчера лег под лучи ближайшей звезды (и как рисковал!); не потому, что их крепкие, как стволы бонгосси, брюшные мышцы различимы за сотни метров, а его пресс не найдут и на столе патологоанатома; и даже не потому, что они без видимых усилий справляются с доской на волнах, а ему и двухсот метров не пробежать без подозрения на инфаркт миокарда; нет, он завидует потому, что они в завязке уже недели две, и потому прекрасно себя чувствуют, а его мучения – в самом разгаре печально известно-го третьего дня.

Ваня уже как будто и привык к столь буйному разнообразию острова. Белым шумом отдавались в его барабанных перепонках десятки языков, сотни диалектов и тысячи акцентов прилетающих сюда людей; он как будто и не замечал диковинную, словно собранную со страниц энциклопедий по ботанике и зоологии, флору и фауну, по крайней мере, до тех пор, пока она, фауна, не какала ему на рукав или не летела в рот; плевать Ваня хотел на смеси западных и восточных, северных и южных деликатесов, пряностей и соусов. Быть может потом, думает единственный русский на этом Богом забытом, но превращенном людьми в парадиз, клочке земли, когда он выйдет из сумеречного состояния ломки, каж-

дый элемент острова покажется ему преисполненным смысла, но пока он в завязке, и завязка эта плотным узлом сдавливает его горло, петлей самоубийцы тянет его душу куда-то вверх, оставляя тело с выпученными глазами и рвущимися голосовыми связками безучастным ко всему происходящему и, парадокс, неврастенически реагирующим на любое влияние извне.

И когда до Мыса Торговли остается всего с десяток метров, а Ване, проходящему мимо последних зарослей перед откосом в море, уже мерещится волшебная бутылочка с пресной водой, случается то, что совсем выбивает пришельца из колеи. В голову Вани ударяет, как хук тайского боксера, страшный, нечеловеческий рык, вылетевший, подобно пуле, из тропической опушки. Русский Иван пугается настолько, что на его шортах вновь отчетливо проявляется мокрый отпечаток, а след от попугайчика начинает вонять еще сильнее. Ваня готовится увидеть выходящего из зарослей лигра или, на худой конец, гризли, но всмотревшись, понимает, что эти пугающие звуки издают, всего-навсего, три новозеландца, исполняющие хака, а четвертый, судя по цвету кожи, некоренной маори, разминается рядышком с овальным мячом из некачественно обработанной кожи овцебыка, из-за чего мяч напоминает скорее кокосовый орех, чем спортивный инвентарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.